

Л. В. СОКОЛОВА

Об источнике перевода Повести об Аполлонии Тирском

В русской литературе XVII в. наряду с оригинальными беллетристическими произведениями видное место занимали произведения переводные. В это время особое распространение получили переводы западноевропейских рыцарских романов, отвечавшие интересу русского читателя к вымыслу, занимательности, интриге, романическому сюжету.

На Русь эти романы чаще всего приходили через польское или чешское посредство и поэтому распространялись у нас не в своих первоначальных версиях (нередко восходивших к эллинистическим романам), а в поздних, западославянских вольных обработках. Кроме того, и на русской почве эти переводные романы продолжали изменяться, с течением времени все больше сближаясь с произведениями оригинальными. Тем самым изучение древнерусских переводных романов представляет интерес не только для русской литературы, но и для анализа историй «мировых сюжетов» в литературе средневековья.

Литературоведами XIX в.¹ много сделано для изучения переводной беллетристики, но, как отмечает О. А. Державина, их работы «уже не могут удовлетворить современным требованиям, предъявляемым к научному исследованию, так как представляют собой лишь первоначальный этап в изучении того или иного произведения».² Они знакомят читателей с текстом (чаще всего по одному списку) и выясняют какой-либо из вопросов литературной истории изучаемого памятника. Советские медиевисты, продолжая изучение литературной истории переводных произведений, не ограничиваются этим. Они уделяют больше внимания истории текста русского перевода, изменениям его сюжета, особенностям поэтики. Именно эти черты свойственны, например, работам О. А. Державиной, В. Д. Кузьминой, Я. С. Лурье, А. М. Панченко, О. В. Творогова.

Из переводных западноевропейских повестей и романов, пришедших к нам в XVII в., основательно изучены «Девгениево деяние»,³ Повесть о Бове королевиче, Повесть о Петре Златых ключей,⁴ Фацеции,⁵ сборник «Великое зеркало»⁶ и некоторые другие произведения. Им посвяще-

¹ Бесспорную ценность представляют работы Ф. И. Буслаева, А. Н. Веселовского, А. И. Соболевского, С. Л. Пташицкого, А. Н. Пыпина, Н. С. Тихонравова. Из западных ученых — Ю. Поливки, М. Мурко, К. Крумбахаера.

² О. А. Державина. Задачи изучения переводной повести и драматургии XVII века. — ТОДРЛ, т. XX. М.—Л., 1964, с. 235.

³ В. Д. Кузьмина. Девгениево деяние. (Деяние прежних времен храбрых человек). М., 1962.

⁴ В. Д. Кузьмина. Рыцарский роман на Руси. Бова. Петр Златых ключей. М., 1964.

⁵ О. А. Державина. Фацеции. Переводная новелла в русской литературе XII века. М., 1962.

⁶ О. А. Державина. «Великое зеркало» и его судьба на русской почве. М., 1965.

ны монографии, отвечающие всем требованиям современной медиевистики.

Предлагаемая статья посвящена памятнику, еще недостаточно изученному, — Повести об Аполлонии Тирском.

Произведение это в его латинской редакции много раз привлекало внимание ученых, но литературная история русского извода повести (как, впрочем, и других славянских текстов) изучена недостаточно.

До сих пор не решен вопрос о количестве переводов Истории об Аполлонии Тирском на русский язык, нет текстологического анализа имеющихся списков, не проанализирована она и с литературно-художественной стороны. В данной статье рассматривается лишь один из этой суммы вопросов — вопрос о переводе повести. Но прежде необходимо, хотя бы вкратце, остановиться на литературной истории повести до ее появления в России.

История об Аполлонии Тирском восходит к греческому роману II в. н. э. Однако греческий текст не сохранился, в средневековой Европе роман был известен в латинском пересказе,⁷ и именно в той его редакции, которая с небольшими стилистическими изменениями вошла в «Gesta Romanorum».⁸

Проследим историю романа на славянской почве.

В чешской литературе Повесть об Аполлонии Тирском была довольно популярна. Она сохранилась в двух рукописях (1459 и 1539 гг.) и была много раз напечатана (известны издания 1733, 1761, 1769, 1793, 1799 гг.; кроме того, есть указание на издание 1567 г., но этот старейший печатный текст до сих пор не найден).⁹

Ю. Поливка, тщательно проанализировав чешский текст повести в сравнении с латинским (публикацией А. Ризе¹⁰ и позднейшей обработкой, вошедшей в состав сборника «Gesta Romanorum»¹¹), отметил расхождение их более чем в 70 случаях,¹² и этот сравнительный анализ убедительно доказывает, что чешский текст — ни в коей мере не перевод латинского, точнее, известных исследователям латинских текстов. Была высказана догадка (в частности, А. Н. Пыпиным¹³), что чешская повесть об Аполлонии — это обработка немецкой редакции. Но на основании сравнения чешского текста с немецким (в новонемецком переводе, напечатанном Зимроком¹⁴), а также на основании некоторых проанализированных им фактов Поливка не допускает, чтобы оригиналом для чешской повести был немецкий текст.

Итак, до сих пор не найден текст романа об Аполлонии Тирском, о котором можно было бы говорить как об источнике для чешского перевода. Исходя из этого, Поливка вполне обоснованно видит в чешском романе совершенно свободную, самостоятельную переработку романа об Аполлонии Тирском.

Эта чешская редакция романа и была переведена на польский язык. В польской литературе История об Аполлонии известна только в составе

⁷ О греко-латинском романе см.: Т. И. Кузнецова. Сказочный роман. «История Аполлония, царя Тирского». — В кн.: Античный роман. М., 1969, с. 132—156.

⁸ Эта латинская редакция была издана несколько раз, в частности, Лапауме: Scriptorum Graecorum bibliotheca, vol. XLV. Firmin Didot, 1856.

⁹ J. Polívka. Román o Apollonovi králi Tyrském v české, polské i ruské literatuře. — Listy Filologické, 1889, seš. V, VI.

¹⁰ «Historia Apollonii regis Tyri» recensuit et praefatus est A. Riese. Lipsiae, 1871.

¹¹ «Gesta Romanorum» von Hermann Oesterley, Bd 2. Berlin, 1872.

¹² J. Polívka. Román o Apollonovi králi Tyrském. . .

¹³ А. Пыпин. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857, с. 242.

¹⁴ K. Simrock. Die deutschen Volksbücher, Bd III. Basel, 1846, S. 211—270.

сборника «*Historye rzymskie*»¹⁵ (далее: польские РД). Интересно, что почти все рассказы — легенды, входящие в состав польских РД, сходны с латинским текстом «*Gesta Romanorum*» в издании Остерлея (Oesterley) и представляют явно перевод последнего. Текст же нашей повести, вне всякого сомнения, относится к чешской редакции, так как, за небольшими исключениями, почти дословно передает ее текст; причем перевод был сделан, по наблюдениям Ю. Поливки, с такого чешского издания (до сих пор неизвестного), которое сходилось отчасти с известным чешским Оломуцким изданием 1769 г., а отчасти со старейшей рукописью, датированной 1459 г.

Видимо, польский книжник, составляя сборник «*Historye rzymskie*», включил в него уже готовый польский перевод Повести об Аполлонии Тирском. Предположение это подтверждается тем, что и при включении в сборник Жития Алексея человека божия составителем польских РД был также использован уже существовавший перевод — польское издание жития 1529 г.¹⁶

Обратимся теперь к вопросу о переводе Повести на русский язык.

Она пришла на Русь во второй половине XVII в. в составе «Римских деяний»¹⁷ (далее: РД), но получила также широкое распространение и как отдельное произведение, текст которого отличается от соответствующей повести в РД.

Различие между текстом повести, входящей в РД (далее: ред. РД) и отдельно встречающейся повестью, один из списков которой был издан Н. С. Тихонравовым¹⁸ (далее: ред. Т¹⁹), настолько существенно, что Н. С. Тихонравов видел в них два самостоятельных перевода, причем даже с разных языков (с польского и чешского).²⁰ Эта мысль не была текстологически обоснована, но, тем не менее, повторялась в дальнейшем другими русскими учеными. Такую точку зрения находим у А. Н. Веселовского,²¹ М. Н. Сперанского²² и др.

Но еще в конце прошлого века чешские ученые Ю. Поливка²³ и М. Мурко²⁴ высказали мнение, что был один перевод Истории об Аполлонии Тирском на русский язык, а именно в составе РД, и попытались это доказать. Ими были сделаны очень ценные и часто убедительные наблюдения, но так как и польский, и оба русских текста им были известны лишь по одному списку, к тому же польский текст (экземпляр краковской библиотеки) был дефектным, а известный им русский ред. РД (изданный ОЛДП) — самый плохой список, то их доказательства иногда опровер-

¹⁵ Старопечатное издание XVII в. переиздано: J. V y s t r o Ń. *Historye rzymskie*. — In: *Biblioteka pisarzy polskich*, t. 29. Kraków, 1894.

¹⁶ С. Л. П т а ш и ц к и й. Средневековые западноевропейские повести в русской и славянской литературах. I. Истории из «Римских деяний». СПб., 1897, с. 39.

¹⁷ [П. П. В я з е м с к и й]. Римские деяния (*Gesta Romanorum*), вып. V и XXXIII. СПб., 1877—1878.

¹⁸ Н. С. Т и х о н р а в о в. Повесть об Аполлоне Тирском. — В кн.: *Летопись русской литературы и древностей*, т. I, ч. 2. М., 1859, с. 6—33.

¹⁹ Отметим, что Повесть об Аполлонии Тирском ред. РД рано выделялась из состава РД и также известна как отдельная повесть. Поэтому, говоря по традиции о редакциях РД и Т, мы будем подразумевать под ред. Т не каждую отдельно встречающуюся повесть, а текст, отличный от ред. РД.

²⁰ Н. С. Т и х о н р а в о в. Повесть об Аполлоне Тирском, с. 5.

²¹ См. его главу о повестях в кн.: *История русской словесности древней и новой*, т. I. Изд. 2-е. СПб., 1880, с. 436.

²² М. Н. С п е р а н с к и й. История древней русской литературы. Московский период. Изд. 3-е. М., 1921, с. 200—203.

²³ J. P o l í v k a. Ještě slovo k románu o Apollonovi, králi Tyrském. — In: *Drobné příspěvky literárně-historické*, č. I—IV. Praha, 1891.

²⁴ М. M u r k o. Die russische Übersetzung des Apollonius von Tyrus und der Gesta Romanorum. — *Arch. f. slavische Philol.*, 1892, Bd 14, H. 3.

гаются более ранним польским текстом (издания 1543 г.²⁵) и другими, лучшими и более старшими списками русской повести обеих редакций.

Поэтому мы позволим себе вновь обратиться к этому вопросу, тем более что советские исследователи точку зрения Ю. Поливки и М. Мурко не рассматривали и даже в работах сравнительно недавних продолжают говорить о двух переводах повести на русский язык. Такую точку зрения находим у В. П. Адриановой-Перетц в 10-томной «Истории русской литературы»,²⁶ а также у В. Д. Кузьминой и О. А. Державиной²⁷ в статьях, посвященных проблемам изучения переводной литературы Древней Руси.

То, что русский перевод РД, а следовательно, и нашей повести ред. РД был сделан с польского языка, считается у исследователей почти бесспорным. Иную точку зрения мы находим лишь у П. П. Вяземского, автора предисловия к изданию «Римских деяний». Он считает, что язык, на который переводились «Римские деяния» с латинского, был белорусский, исключая таким образом польское посредство. Отметим, что он даже не знает о существовании польских РД («Кажется, польский текст Римских Деяний так же неизвестен, как и итальянский и испанский»²⁸), поэтому не будем принимать во внимание эту точку зрения, тем более что, по словам С. Л. Пташицкого, «введение и указатель, приложенные к изданию (ОЛДП, — Л. С.), не выдерживают самой снисходительной критики».²⁹

На то, что русский перевод РД был сделан с польского языка, прямо указывают некоторые рукописи РД, свидетельствующие в своих заглавиях и записях, что перевод был сделан в конце XVII в. (1681 или 1691 г.) с польского печатного издания 1663 г. Так, в списке РД из ГИМ, собр. Уварова, № 555, читаем следующее заглавие: «Истории розмаитыя, сирѣчь повѣсти избранныя, с толкованием надлежащим, выписано из римских и из иных книг, яже нынѣ обрѣтаются в сей вышереченной книгѣ, кратко собранныя и людем в научение и к познанию изданныя. Печатаны в Краковѣ, в типографии пана Войтѣха Секѣлновича,³⁰ типографа его королевскаго величества Польскаго в лѣто от Христова рождения 1663 году. Нынѣ же милостию великаго бога с полскаго языка на славенский преведены в лѣто 7199 году» (1691 г.).

Это подробное заглавие в первой своей половине соответствует такому польскому: «*Historye rzymskie rozmaite z rożnych dzieiow z wykładami obuczaynemi krotko zebrane. Ludziom ku rozmyślaniu mądrości, y też i innych cnot przywodzące. Teraz z poprawą lepszą ku wiadomości ludzkiej wydane*».³¹

О польском оригинале русского перевода свидетельствует и состав русских списков, а также порядок следования повестей.³²

²⁵ К сожалению, этот текст известен нам только в отдельных фрагментах по работе А. Брукнера, сравнивающего по тексту нашей повести издание польских РД 1543 г. с более поздним изданием Быстроны. См.: А. В г ü с к н е р. *Zwei polnische Uricate der Bayrischen Staatsbibliothek*. — Arch. f. slavische Philol., 1927, Bd 41.

²⁶ В. П. А д р и а н о в а - П е р е т ц. Переводные западные повести. — В кн.: *История русской литературы*, т. II, ч. 2. М.—Л., 1948, с. 385—386.

²⁷ В. Д. К у з ь м и н а. Проблемы изучения переводной литературы Древней Руси. — ТОДРЛ, т. XVIII. М.—Л., 1962, с. 16—17; О. А. Д е р ж а в и н а. Задачи изучения переводной повести. . . , с. 242.

²⁸ [П. П. В я з е м с к и й]. Римские деяния. . . , Предисл., с. II.

²⁹ С. Л. П т а ш и ц к и й. Средневековые западноевропейские повести. . . , с. 3.

³⁰ По словам С. Л. Пташицкого, типограф Войтех Секелович (в русской рукописи ошибка в фамилии) действительно печатал в Кракове с 1660 по 1685 г. (см.: С. Л. П т а ш и ц к и й. Средневековые западноевропейские повести. . . , с. 45).

³¹ J. В у s t g o Ń. *Historye rzymskie*. . . , s. 1.

³² С. Л. Пташицкий в книге «Средневековые западноевропейские повести. . . » (с. 37) убедительно доказывает, что в польском сборнике мы имеем дело с выбором, сделанным самостоятельно прямо с латинского печатного издания со 180 главами.

Многочисленные свидетельства перевода с польского мы находим и в языке русского сборника, обильно насыщенном полонизмами разного рода — лексическими, синтаксическими, стилистическими. Повесть об Аполлонии Тирском не является в данном случае исключением.

Некоторые же расхождения в порядке следования повестей и в самих текстах можно отнести за счет того, что издание 1663 г., с которого, видимо, был сделан перевод, не обнаружено, — следовательно, непосредственного оригинала, наиболее близко подходящего к русскому переводу, мы не имеем.

Что же касается места, занимаемого нашей повестью в составе РД, то непостоянство ее местоположения: 1-я глава в рук. ГПБ, собр. Вяземского, Q.CXLIИ, 2-я глава в рук. ГИМ, собр. Уварова, № 555, 34-я глава в рук. ГПБ, Q.XV. 8, и собр. Погодина, № 1604, 36-я глава в рук. ГБЛ, собр. Тихонравова, № 16, 37-я глава в рук. ГПБ, собр. Погодина, № 1713 и 1775, ГИМ, собр. Уварова, № 66, — дало повод П. П. Вяземскому утверждать, что История об Аполлонии «не входила в первоначальный план сборника».³³

Не опровергая пока этой точки зрения, отметим только, что в одном из списков РД (собр. Уварова, № 66) мы находим объяснение писца, почему он перенес ее из начала в конец: «У сей истории об Аполлонѣ начала не обрѣтох с чего писана, понеже бо многие листы поистлѣли и поизгibli и того ради списать было несчею; и поставлена сия повѣсть в началѣ книги, а не на концѣ, и послѣ во других поставлена повѣсть о пустыникѣ, ей же начало: „Приклад о хитрости диявольстей, яко судьбы божии не испытаны и скрыты суть“».

Итак, русский перевод повести об Аполлонии Тирском был сделан в составе «Римских деяний» с польского языка. Непосредственный оригинал русского перевода пока не найден. Вполне вероятно, что это — издание 1663 г., на которое указывают русские рукописи. Отметим только, что польский оригинал русского перевода отличался большей близостью к чешскому тексту, чем известные польские издания. Это следует из наблюдения Ю. Поливки, что там, где чешский и польский (известный ему) тексты расходятся, русский текст чаще ближе к чешскому.

Исходя из языка русской повести, Поливка отверг непосредственный чешский источник и выдвинул предположение, что русский текст был переведен с польского (а тот, в свою очередь, с чешского), но с такого, который отличался большей близостью к чешской повести, чем известный Поливке польский текст.

Подтверждение этому мы находим в более поздних работах Я. Лоша³⁴ и А. Брукнера,³⁵ сообщающих о польском издании «Римских деяний» 1543 г. Из сопоставлений на материале Повести об Аполлонии Тирском текста, изданного Быстрономом, и издания 1543 г., которые приводит в своей работе Брукнер, очевидно, что текст русских РД передает текст более ранний, чем изданный Быстрономом и тот, который был известен Поливке (оба — конца XVII в.). Обратимся теперь к русскому тексту, известному как отдельная повесть (ред. Т).

Выясним вначале, могла ли быть переведена эта редакция Повести об Аполлонии Тирском непосредственно с чешского.

То, что этого быть не могло, видно уже из самого поверхностного сравнения чешского, польского и русских текстов обеих редакций. Польский переводчик вносит в текст своего чешского оригинала некоторые изменения. Здесь же он показывает соответствие русских РД по числу и расположению глав польским РД.

³³ [П. П. Вяземский]. Римские деяния. . . , Предисл., с. V.

³⁴ Jan L o ś. Początki piśmiennictwa polskiego (przegląd zabytków językowych), wyd. 2. Lwów—Warszawa—Kraków, 1922, s. 267—268.

³⁵ A. B r ü c k n e r. Zwei polnische Uiccate. . .

ния, которые, что очень существенно, *полностью* переходят в русский текст ред. РД, свидетельствуя, таким образом, о зависимости последнего от польского извода повести. Русская же повесть ред. Т следует в изложении за ред. РД, и, следовательно, за польским, а не за чешским текстом.

Кроме того, чешский, польский и русский текст ред. РД соотносимы, так как это пословный перевод с одного языка на другой (ниже будут указаны русские кальки с польских фразеологизмов). Русский же текст ред. Т не имеет с указанными выше текстами ни одного полностью (пословно) совпадающего предложения, все они оформлены иначе. Это было вызвано, без сомнения, стремлением редактора, перерабатывавшего русский перевод (ред. РД), избежать многочисленных полонизмов (лексических, синтаксических, стилистических) своего непосредственного оригинала.

На польский же (через РД!), а не на чешский источник русского текста ред. Т указывают также многочисленные общие места (включая и общие ошибки) в польском и обоих русских текстах в отличие от чешского, а также сохранившиеся полонизмы ред. Т, которые никак не могли бы появиться в русском тексте, если бы он пришел непосредственно с чешского.

Указывая общие чтения польского и обоих русских текстов, ограничимся лишь несколькими, но довольно убедительными примерами. Сопоставим название повести и загадки. Эти компоненты текста удобны, во-первых, потому, что они относительно самостоятельны и независимы от контекста, а во-вторых, потому, что в них нагляднее всего видна зависимость русского текста ред. Т от польского (через РД), а не от чешского. Тут полная свобода в польском переводе, довольно значительно отступающем от своего чешского оригинала. Русские же тексты обеих редакций передают во всех случаях польский текст.

Название русской повести ред. Т говорит о том, что она восходит к повести, входящей в состав «Римских деяний», и, следовательно, к польскому, а не к чешскому изводу.

Чешск.: Počiná sé Apollon.³⁶

Польск.: Historya o Apollonie, królu tyrskim, i Tarsyje królewnie. Przykład, iże smutek przemienion bywa w wesele.³⁷

Русск., ред. РД: История о Аполлонѣ королѣ Тирском и о Тарсѣ королевнѣ. Приклад, что печаль пременеется в радость.³⁸

Русск., ред. Т (рук. Q.XVII.139): Приклад дивный коль благ бог и всемогущ и како прелагает печальная на радость. Слышанием древних деонисец. Повесть о Аполлонѣ короли Тирском и о Тарсии королевнѣ.³⁹

ПЕРВАЯ ЗАГАДКА ТАРСИСЫ⁴⁰

Чешский текст

Duom jeden vědě
uhodneš-li, povědě,
jeňž ten duom hluči,

Польский текст

Jest dom jeden chwalebny,
Wszemu światu potrzebny,
A ten dom zawsze huczy,

³⁶ Чешский текст здесь и далее цит. по реконструированной А. Вртятко повести, см: Časopis Musea království Českého, 1863 svazek 3, 4 (далее страницы указываются по этому изданию в тексте, в скобках).

³⁷ Польский текст здесь и далее цит. по старопечатному изданию XVII в. сборника «Historye rzymskie», переизданному Быстроном (далее страницы указываются по этому изданию в тексте, в скобках).

³⁸ Русский текст «Римских деяний» издан ОЛДП по самому плохому списку. Но это единственный из изданных и им поневоле приходится пользоваться (далее страницы указываются по этому изданию в тексте, в скобках).

³⁹ Русский текст ред. Т цит. (кроме данного примера) по изд. Н. Тихонравова в «Летописи русской литературы и древностей» (далее страницы указываются по этому изданию в тексте, в скобках).

⁴⁰ В русском тексте загадки даются без разбивки на стихи; мы реконструируем эту разбивку в соответствии с польским текстом для большей наглядности.

a hospodář jeho mlčí.

 J přijede muž bez koně,
 nesa nit na luoně,
 jem hospodáře přeč vleče,
 a duom dieřů přeč uteče (s. 359).

Текст ред. РД

Есть нѣкоторый дом хвалебной,
 всему миру потребной,
 а тот дом всегда гучит,⁴¹
 а государь в нем молчит,
 за государем ходит,
 а живот ему родит,
 и там муж без коня приехал,
 государя кратко обведет
 и объведчи вывlechет,
 а дом кратой утечет (с. 50).

A gospodarz w nim milczy,
 Z gospodarzem chodzi.
 Żywot jemu rodzi,
 A tam mąż bez konia przyjedzie,
 Gospodarza krata obwiedzie,
 Obwiódszy wywlecze,
 A dom krata uciecze (s. 38).

Текст ред. Т

Дом славный,
 всему свѣту надобный,
 той дом всегда крычит,
 господин же в нем молчит,
 с господином ходит
 и прибытки ему родит,
 тако⁴² муж без коня приѣдет,
 господина рѣшеткою обведет,
 Обведши, изведет,
 а дом рѣшеткою и уйдет⁴³ (с. 27).

Сопоставив славянские тексты, мы обнаруживаем, что русская ред. Т следует за ред. РД, в том числе и в тех характерных случаях, когда русские РД следуют за польскими РД, существенно отличаясь от чешского текста. Так, фраза «всему свѣту надобный» — это переделка фразы РД «всему миру потребной», которой есть соответствие только в польских РД. Аналогичный пример — слова «с господином ходит и прибытки ему родит». Им также нет соответствия в чешском тексте. Любопытно также, что слово «решетка» — это правильный перевод слова «krata» (вернее, полонизма в РД — «крата»), передающего в польском тексте в одном случае чешское слово «nit» (нить), а в другом чешское слово «diera» (дыра).

ВТОРАЯ ЗАГАДКА ТАРСИСЫ

Чешский текст

Zrostu jsem vysokého,
 A jsem dcera lesa krásného;
 Nevidomé sluhy mám
 Vodie mě, a ja jich neznám.
 Běžici cestú mnoho,
 Neostavě sledu i jednoho (s. 360).

Текст редакции РД

Когда⁴⁴ лесу красного,
 Возрасту сама великого,
 Невидимые слуги воздают,⁴⁵
 Около ей всегда ходят.
 Многими дорогами ходят,
 а слѣд не радит ее (с. 50).

Польский текст

Córa lasu krasnego,
 Wzrostu sama wielkiego;
 Niewidomi ją słudzy wodzą
 Około niej wszędy chodzą
 Wiele drogą chodzi,
 A szladu nie rodzi (s. 38).

Текст редакции Т

Дщи лѣса красного,
 возраста великаго,
 не разумѣюще слуги водят
 и окрест ея всегда ходят.
 Много путем ходит,
 А слѣду не родит (с. 28).

Вторая польская загадка отличается от соответствующей чешской в следующем.

1. Чешская загадка дана от первого лица, польская — от третьего.
2. Порядок следования первых двух строк чешской загадки изменен польским переводчиком.

⁴¹ После этой строки в РД следуют слова: «И там муж без коня. . .», ошибочно внесенные из нижеследующего текста. Мы опускаем их, так как это ошибка отдельного списка.

⁴² В списке ГБЛ, собр. Тихонравова, № 135, — «тамо».

⁴³ В других списках «утечет».

⁴⁴ В других списках «дора».

⁴⁵ В других списках «водят».

3. Третья и четвертая строки чешского текста, переводимые как: «Невидимых слуг имею, Они меня водят, а я их не знаю», — переосмыслены в польском. Русские тексты, в том числе и ред. Т, следуют за польским изводом повести.

ТРЕТЬЯ ЗАГАДКА ТАРСИСЫ

Чешский текст

V horkých stolicech seděch,
a však strachu nic neměch,
jednu věc v rukú držech,
pro niž se méně styděch;
dům holý bieše,
hospodář s hostmi nah sedieše (s. 360).

Текст редакции РД

Есть дом в ризах не убогий,
Гости и государь в нем нагий,
И тамо вещь в руцѣ держит,
А в стыду не умѣют.
Огонь и воду в нем продают,
А у них то даром дают (с. 51).

Польский текст

Jest dom w szaty ubogi,
Goście i gospodarz w nim nagi,
Tam rzecz w ręce trzymają,
A prze nią wstydu nie mają,
Ogień, wodę w nim przedają,
A w innych to darmo dają (s. 39).

Текст редакции Т

Дом в вещѣх не убогий,
Господин и гости в нем наги.
И нѣкую вещь в руках имѣют,
А стыда не разумѣют.
Огонь и воду в том дому продают,
А иножды у себе даром дают (с. 28).

Различие чешского и польского текстов третьей загадки заключается в следующем.

1) Первая и вторая строки чешского текста загадки (о том, что моющиеся в бане сидят на горячих скамьях, но не испытывают при этом страха) опущены в польском тексте.

2) Пятая и шестая строки чешской загадки стали, дополнительно изменившись, первой и второй строкой польской загадки.

3) В конце польского текста добавлены новые по смыслу строки (о продаже огня и воды).

Итак, третья загадка особенно значительно различается в чешской и польской редакциях. И русская повесть ред. Т снова следует (через РД) за польским текстом.

Русские исследователи Повести об Аполлонии Тирском (упомянутые выше) считали, что ред. Т — это другой (независимый от сделанного в составе РД) перевод повести на русский язык. Это утверждение строилось, в частности, на том, что язык повести в ред. Т отличается «полным отсутствием полонизмов».⁴⁶ На самом деле отсутствие их только кажущееся. Они есть, но, во-первых, их несравненно меньше, чем в РД, и, во-вторых, они менее заметны, так как в новой редакции остались в основном только те из полонизмов ред. РД, которые сами по себе, вне контекста, не воспринимаются как чуждые русскому языку слова. Чаще всего это слова, сходно звучащие в польском и русском языках, но имеющие или разные, или не полностью совпадающие значения.

Этот факт объясняется, на наш взгляд, тем, что автор новой редакции, пересказывая текст РД, сознательно и целенаправленно устранял полонизмы своего непосредственного оригинала.

Приведем несколько примеров полонизмов ред. Т.

1. «Изыде от мене (в другом списке ея) и повелѣ премного драгих златых ковров и иных поставов принести» (с. 7).

Слово «поставов» пришло в ред. Т из РД, где читаем: «И вышедши от нея, повелѣл много поставов злоютых золотых принесть» (с. 4—5). В свою очередь, в РД это слово передает польское «postaw» в значении «кусок сукна».

⁴⁶ Н. С. Тихонравов. Повесть об Аполлоне Тирском. . . , с. 5.

Отметим, что русское слово «постав» в данном значении имеет характер профессионализма и появиться в данном контексте без влияния польского не могло.

2. «Тѣло мое ям и кровь мою пью, сам и есмь зять себѣ, отца дщерь ж а д а е'т и видѣти не улучает, жена мужа не видит и муж женѣ быти не может» (с. 10).

Слово «жадает» произошло от «жедаю» ред. РД, которое, в свою очередь, — перевод польского «żadam» — «требую».

3. «По прошествии же близко годищнаго времени нѣкогда поя Аполлон жену свою кралевну Лучницу и идоша на брег морской погулять» (с. 15).

«Б л и з к о г о д и щ н а г о» соответствует в тексте ред. РД «близ году», что, в свою очередь, польскому — «blisko już roku».

4. «В та же лѣта ни брады, ни главы г о л и т и, ни тѣло своё мыти завѣщася» (с. 20).

Полонизм «г о л и т и» (из польск. «golić» — «брить») пришел из РД, где он употреблен, как и в польском тексте, с дополнением «бороду». Редактор Т, видимо, не счел этот глагол чуждым русскому языку и употребил его не только со словом «брады», но и со словом «главы».

5. «Вшед же в корабль, нача по морю ж а л о с т н о шествовати» (с. 20).

Слово «жалостно» передает, вслед за РД, польское «żałościwie», означающее «тоскуя», «печалась».

6. «И по мнозѣм неутѣшном плачи погребѣ ю близко моря и положи завѣт себѣ входя и исходя от училища н а д г р о б о м ея плакати» (с. 21).

Это выражение соответствует в РД следующему: «. . . прежде бывает на мамкине гробѣ и там плакалась горко о мамке своей милой» (с. 35). Здесь неверное употребление слова «гроб» еще нагляднее. Дело в том, что польское слово «grób» означает «могила»; русский же переводчик (а вслед за ним и автор редакции) передает его сходно звучащим русским словом, имеющим иное значение.

Приведенные выше примеры, которые можно значительно умножить, довольно убедительно, на наш взгляд, говорят о том, что русская повесть ред. Т не могла быть переведена непосредственно с чешского языка, так как восходит, как и ред. РД, к польскому, а не к чешскому изводу повести.

Попытаемся теперь показать, что и с польского языка был только один перевод, а именно — в составе РД. Для этого покажем зависимость русского текста ред. Т от ред. РД.

На эту зависимость указывают, во-первых, многочисленные общие чтения (включая и общие ошибки) обеих русских редакций, отличающиеся от чтений в польской повести; во-вторых, случаи изменения текста редактором Т, объясняемые тем, что соответствующие места в ред. РД были непонятны и автор новой редакции или осмыслил их по-своему, или опустил; и, в-третьих, «темные места» в ред. Т, которые понятны только из сопоставления их с ред. РД.

Начнем с указания на некоторые из общих чтений русских текстов, которыми они отличаются от польского.

1. При переводе польского предложения «Król . . . kazał Apollona przypisać ku swemu dworu, dawszy mu królewne do nauki» фраза «dawszy mu królewne do nauki» была опущена. Вместо нее в ред. РД читаем: «и терем osobной ему дать». Это изменение переходит в ред. Т.

«Король . . . повелѣ Аполлона приписать к своему двору и терем osobной ему дать» (ред. РД, с. 20). «Краль . . . повелѣ Аполлона приписать к ближним своим вельможам и храмы на своем дворѣ особья ему дати» (ред. Т, с. 14).

2. Фразеологизм «Bieęę to na swe zdrowie», означающий «клянусь своим здоровьем» переводится в ред. РД дословно: «принимаю то на свое здо-

ровье», и эта калька переходит в ред. Т, дополнительно переосмысляясь: «приемлю на душу мою».

«Принимаю то на свое здорвье, что не точию едину тысящу, якоже в сем листу стоят писаны, чтобы на погребение дать, но и обѣ тысячи хочу отдать ей на погребение» (ред. РД, с. 29).

«Приемлю на душу мою и не единую токмо, яко же писано, в погребение ея истошу, но и другую» (ред. Т, с. 18).

3. Польское выражение «*idź na górę*» (иди на гору) передается в ред. РД словосочетанием «иди на игру» (с. 16), которое переходит в ред. Т, где читаем: «. . .иди в корчму на игру» (с. 13).⁴⁷

«В корчму» добавлено редактором Т ошибочно, оно внесло противоречие в текст, так как ниже читаем: «Аполлон же ста издалеча, игры смотряше» (с. 13), т. е. игра (в мяч), на которую шел Аполлон, предполагает открытую площадь и в корчме проходить не могла.

4. Дионисия, приказывая Феофилу убить Тарсису, объясняет, что лучше это сделать на могиле ее кормилицы, куда она ходит перед обедом, — «*przed obiadem*».

Словосочетание «*przed obiadem*» переведено так: «прежде ни пьет, ни ест» и в таком виде переходит в ред. Т.

«Имѣет Тарсия тот обычай, что она прежде ни пьет, ни ест, дондеже ходит меж гробов плачючи о своей мамки» (ред. РД, с. 37).

«Имать бо нрав: прежде не пьет, ни яст, но ходит ко гробищу плакати своя воспитавшия» (ред. Т, с. 22).

5. К польскому выражению «*i mówić sam w sobie*» русский переводчик (ред. РД) добавил «с плачем». Редактор Т лишь видоизменяет это добавление: «со слезами».

«Узрѣвши ю, Феофил убоялся велми и рекл сам в себѣ с плачем» (ред. РД, с. 37).

«Феофил, узрѣв ее, ужасеся зѣло и рече в себѣ со слезами» (ред. Т, с. 22).

6. Польское слово «*przysięgać*» в значении «клясться» было лишь транслитерировано при переводе повести на русский язык. Позднее полонизм «присягать» (рук. ГПБ Q. XV 8) был заменен выражением «ротиться и кляться» (изд. ОЛДП), и именно в таком виде мы читаем его в ред. Т.

Этот пример указывает не только на то, что текст Т возник на основе ред. РД, но и на то, что редактирование осуществлялось на основании сравнительно позднего списка, где полонизм «присягать» был уже заменен русским словом «кляться» с добавлением слова «ротиться».

«И нача Феофил ратиться и кляться, что он о том никогда не помышлял» (ред. РД, с. 36).

«Он же нача ротиться и кляться, яко никоего зла сотворил, ниже помыслил» (ред. Т, с. 22).

7. Польское словосочетание «*zlitować się nie umie*» (не умеет жалеть, проявлять жалость) было переведено на русский язык выражением «милостивно быть не может», которое мы находим и в ред. Т, но в несколько «исправленном» виде: «море же. . . немилостиво бывает».

«Видиши ли то, что еси бремена и к непогоде к морской ты не привыкла еси, а море милостивно быть не может» (ред. РД, с. 26).

«Предрагая моя, ты убо еси нынѣ непрадна, а приближается и рождение; море же бѣдне вѣси, како немилостиво бывает» (ред. Т, с. 16—17).

Приведем далее несколько примеров изменения текста автором новой русской редакции (Т) по той причине, что соответствующее место в ред. РД было ему непонятно, и он или пересказал его по-своему, или пропустил.

⁴⁷ В чешской повести в соответствующем месте стоит слово «*tržiště*».

1. Бессмысленная фраза ред. РД «Аполлон убѣжати могл, но и от нас утечь не может» (с. 12) — неудачный перевод с польского: «Apolon zbiegnać mógł, ale od nas uciec nie może» (Аполлон сбежать смог, но скрыться от нас ему не удастся). Редактор Т непонятное для него выражение пересказывает по-своему: «Како может убѣжати, толикою дерзостью обезчестя (мя и всѣх) нас?» (с. 11).

2. В следующей фразе ред. РД: «. . меж клейноты ничего так другого нѣсть, яко ужиточное выстереганы» (с. 14) — последнее словосочетание не переведено, а только транслитерировано русским переводчиком (соответствует польскому «użyteczne ostrzeżenie» — полезное предостережение). Редактор русского текста Т передает это непонятное место по-своему: «Между драгих всего свѣта дражае мнѣ здравие свое» (с. 12).

3. В следующем примере к переосмыслению первоначального текста автора ред. Т привела незначительная неточность русского переводчика: польское «wedle» (согласно, соответственно) он перевел предлогом «по», в результате чего получилось словосочетание («мудра по твоим лѣтом»), допускающее двоякое толкование: «мудра соответственно своим годам» и «мудра не по годам». Автору новой русской редакции больше пришлось по душе второе значение.

«Вижу тя стыдливу и честну дѣвку, а елико еси мудра по твоим лѣтом, буду с тобою говорить, а ты моей речи не будешь разумѣть» (ред. РД, с. 48).

«Дѣвице, вижу тя благоразумну и премудру в таковых лѣтах; и хощу глаголати с тобою, обаче не уразумѣши глагол моих» (ред. Т, с. 27).

В нижеследующих примерах места, непонятные в ред. РД, выпущены в новой русской редакции (Т).

1. Не понята и опущена редактором Т следующая фраза ред. РД: «. . послушай нѣкоторыя мудрости от мене, что (в рук. ГПБ Q.XV.8 «чтобы») твоя милость меня приучила» (с. 49), в которой при переводе была сделана ошибка: устойчивое местоименное словосочетание «Тва Miłość» в значении «ты» было переведено пословно.

2. Польское выражение: «Wiem, że ludzie szlachetni zawsze są miłościami. Przetoż o twej miłości nie chcę rozpaczyć» (с. 40) перезодится в РД так: «Вѣм, что люди шляхетные суть всегда милостивой, и сего ради о твоей милости не хощу распочать» (ред. РД, с. 52). Автор ред. Т не понял второй части этой фразы (из-за непереведенного слова rozpaczać — горевать, отчаиваться) и опустил ее: «Вѣм, яко сицевыя чести, якоже ты, милостивыи суть» (ред. Т, с. 28).

3. Следующее место было, по-видимому, искажено при переводе с чешского на польский, и в последующих польских изданиях выпущено как непонятное.⁴⁸ Но в издании 1663 г., с которого (как указывают русские рукописи) был сделан перевод «Римских деяний», оно еще было, так как русский текст ред. РД сохраняет это явно бессмысленное место. Автор же новой русской редакции опустил его как явно не поддающееся объяснению.

«И потом королева преставися и королю оставила великую жалость в сердцы. Тогда король в великой печали нача со дщерию своею дары дарить, понеже бо на ней ниц не было замѣшкало прироженье, развѣ ю что бог смертно учинил» (ред. РД, с. 2).

Так как в польском тексте, изданном Быстрономом, это место выпущено, восстанавливаем смысл приведенной выше фразы ред. РД по чешскому тексту: «Ta králová, ostavivši královi žalost v srdci, z svĕta snide, a dceru jemu ostavi, všemi dary buohem obdařenu. Nebo na ni nebylo nic obmeškáno přirozením, jedno to že bylo smrtedlnu i učinilo» (s. 278), т. е. «королева. . . умерла, оставив королю дочь, наделенную от бога всеми дарами,

⁴⁸ С. Л. П т а ш и ц к и й. Средневековые западноевропейские повести. . . , с. 50.

ибо ничего не было упущено естеством при ее рождении, кроме одного: была она смертна».

И, наконец, о зависимости ред. Т от ред. РД говорят «темные» места отдельной повести, которые без текста, входящего в РД, непонятны.

1. Рассуждения Тарсисы после получения письма от отца в ред. Т представляются оборванными, незаконченными: «„Аще ли правду отписать, срамота ми есть; аще ли же не отпишу, велику тщету восприять“. Восприим же хартию и трость, нача писати» (с. 15).

И действительно, в ред. РД читаем продолжение: «А всяко лутче есть срам мал, нежели велика тщета» (с. 22).

2. В ред. Т непонятна следующая фраза: «Егда же уже два мѣсяца пловуше, тогда кралевѣ морской смрад и колебание внутренняя ея возмутиша, приближися же и рождения время; но еже по естеству, от моря бѣд премѣнися» (с. 17).

Это место соответствует следующему в РД: «. . . а время приближилось родить, и тако с великими корабли (Q. XV. 8 болѣстьми) ложе в ней завратило, и того дѣля не могла долго дитяти породить» (с. 27), т. е. плод в чреве матери перевернулся с великой болью, и поэтому она долго не могла родить дитя. Ср. польское: «. . . czas się przybliżał dziecięciu, a tak z boleściami okrutnemi łoże (в др. изд. płód) się w niej zawróciło, a przeto nie mogła porodzić dziecięcia dużego» (s. 25).

3. В ред. Т читаем: «Тиримон же, слыша сия, с великою честью поклонися ей, упроси ю, еже стояти (!) ей в большей божницѣ вмѣсто богини (!) или вмѣсто властели(ни)» (с. 20).

В данном случае соответствующее место в ред. РД также непонятно: «И так ей тот мистр да помог, что ю княжною учинил той, бога ненарицаемой (вместо: богине, нарицаемой) Вѣста» (с. 32).

Больше того, и в польском тексте это место немногим яснее: «Potym jej on mistrz dopomógł, że ją księżną uczyniono tej boginie, rzezoněj Westa» (s. 28).

Оказывается, ошибка была сделана при переводе с чешского на польский и затем перешла в русский текст ред. РД. Это еще раз подтверждает указанное выше взаимоотношение славянских текстов: чешский → польский → русский. Редактор Т, стараясь исправить текст, окончательно испортил его.

Дело в том, что чешское слово «kněžka» — «жрица» сходно со словом «kněžna» — княгиня, и поляк-переводчик ошибочно перевел чешское «kněžka» словом «księżna».

Итак, русская повесть ред. Т восходит, вслед за РД, к польскому тексту. Что же заставило русских исследователей предполагать для ред. Т чешский оригинал?

Н. Тихонравов⁴⁹ говорил о чешском источнике на основании имени «Лучница» (вместо «Луцина» ред. РД) и слова «хладничек», чуждого, по его мнению, польскому языку.

Однако эти слова, истолкованные как чехизмы, вовсе не свидетельствуют о чешском оригинале русского текста.

В чешских рукописях и печатных текстах, как сообщает Ю. Поливка,⁵⁰ есть только имя «Луцина». «Лучница» принадлежит, бесспорно, автору русской ред. Т.

Слово «хладничек» употреблено в ред. Т в сцене оживления Лучницы, тело которой нашли в лодке, прибывшей к берегу: «И взем Силимонус ученик нѣкий состав и растворив, повелѣ на двух столпах хладничек поставити, и тѣло наверху положить, а под хладничком малый огонь складе и на огонь положи нѣкое кореньцо, да тѣло согрѣется» (с. 19).

⁴⁹ Н. Тихонравов. Повесть об Аполлоне Тирском. . . , с. 5.

⁵⁰ J. Polivka. Ještě slovo k románu o Apollonovi, králi Tyrském, s. 126.

В чешской повести в соответствующем месте употреблено слово «lésa»⁵¹ (лодка⁵²). На польский язык оно было переведено сходно звучащим «łasa», имеющим в данном контексте значение «placówka» (плетенка),⁵³ которое, в свою очередь, было передано при переводе на русский язык словом «лѣса», осмысленным иногда русским переводчиком и последующими переписчиками как «лес»: «. . . и повелѣ на четыре коры (в других списках колы) лѣсу положить и тѣло наверх взложить и под тѣм лѣсом (!) учинил огонь», но ниже: «. . . та лѣса, на которой лежала, потряслася» (с. 30).

Итак, чешскому слову «lésa» (лодка) соответствует польское «łasa» (плетенка) и «лѣса» (лес?) русской ред. РД.

Каким же образом во второй русской редакции появилось в этом месте слово «хладничек»?

Ю. Поливка⁵⁴ предполагает, что уже в какой-то польской редакции слово «łasa» было заменено словом «chłodniczek», изменившимся затем на русской почве в «хладничек».

Но этого не могло быть по следующим причинам: во-первых, у польского слова «chłodniczek» нет ни одного значения, в котором оно могло бы быть употреблено в данном контексте;⁵⁵ во-вторых, слово «хладничек» могло прийти в ред. Т с польского языка только через ред. РД, как было показано выше. Во всех же известных нам списках РД стоит слово «лѣса». А если учесть точку зрения М. Мурко⁵⁶ и С. Пташицкого⁵⁷ о том, что перевод РД на русский язык был один, то можно с уверенностью предположить, что слова «хладничек» нет ни в одном списке РД.

Следовательно, оно возникло во второй русской редакции. Но каким образом могло появиться здесь слово, не существующее в русском языке и совершенно непонятное в данном контексте? Вопрос этот пока не решен. Предположим только, что в архетипе ред. Т на этом месте могло быть слово «кладничек», которое мы находим в одной из рукописей XVIII в. (ГИМ, Музейское собр., № 1043).

Таким образом, слова «Лучница» и «хладничек» не могут свидетельствовать о чешском источнике русской ред. Т уже потому, что их нет в чешских текстах, они появляются лишь во второй русской редакции.

Но в ред. Т есть одно слово, которое действительно может навести на мысль о чешском оригинале русской повести второй редакции, — слово «меч».

Оно встречается здесь в двух случаях: в сцене морской бури («. . . волнами море кораблем нача яко мечем играти», с. 12) и в сцене игры короля Алтыстратеса («Егда же Алтыстратес, играя мечем, из рук его испусти, тогда Аполлон скочи, подаде мечь благочинно кралю», с. 13). В русском тексте ред. РД и в том и в другом случае находим полонизм «пила» (из польского «piła» — «мяч»), тогда как в чешском стоит в этих местах слово «mieč» — «мяч».

Считая, что это слово ни в какой мере не может поколебать показанное выше взаимоотношение славянских текстов (чешский → польский → русская ред. РД → русская ред. Т), попытаемся объяснить происхождение слова «меч» в ред. Т.

⁵¹ Там же.

⁵² В словаре старочешского языка (J. Gebauer. Slovník staročeský. Praha, 1903—1906) ко второму значению слова — «lod'ka», «Floss», «Kahn» приводится пример как раз из нашей повести.

⁵³ M. B. Lindé. Słownik języka polskiego, t. 2. Lwów, 1858, s. 594.

⁵⁴ J. Polívka. Ještě slovo k románu o Apollonovi, králi Tyrském, s. 127.

⁵⁵ M. B. Lindé. Słownik języka polskiego, t. 1. Lwów, 1858, s. 245.

⁵⁶ M. Murko. Die russische Übersetzung des Apollonius von Tyrus. . . , S. 412—413.

⁵⁷ С. Л. Пташицкий. Средневековые западноевропейские повести. . . , с. 96—98.

Нам кажется в данном случае убедительной точка зрения Ю. Поливки. Он считает, что в том белорусском списке повести ред. РД, который послужил оригиналом для ред. Т, полонизм «пила» был уже заменен словом «мяч», переданным, в силу особенностей белорусской речи («я» безударного слога звучит в белорусском языке как гласная, близкая к «е»⁵⁸) словом «меч».

Ю. Поливка предполагает далее, что редактор Т просто перенес это слово в свой текст, оставив грубую ошибку. Трудно думать, — пишет он, — что русский книжник имел в виду меч, особенно в сцене морской бури.

Но с этим вряд ли можно согласиться. Автор текста Т при создании своей редакции вполне осознанно и целенаправленно исправлял различные недоразумения и ошибки ред. РД. Поэтому мы считаем, что слово «меч» было понято им как оружие и лишь поэтому оставлено в соответствующей форме (через «е»).

Подтверждает это рукопись ГИМ (Музейское собр., № 1043), в которой мы встречаем двойное написание этого слова: в сцене морской бури переписчик догадался, что речь идет о мяче и написал это слово через «я». Но на то, что в оригинале этого списка стояло слово «меч» указывает пояснение переписчика: «. . . играл на детским мячем» (л. 39 об.).

Во втором же случае, в сцене игры в мяч Алтыстратеса со своими вельможами, он оставляет слово «меч», предполагая, что король играл оружием: «. . . король Алтыстрател, играя мечем и абие испусти его от рук своих» (л. 40). На то, что такое понимание редактором Т и последующими переписчиками слова «меч» вполне возможно, указывает рукопись ГБЛ, собр. Ундольского, № 912, в которой на месте слова «меч» стоит «кошь».

Итак, литературная история славянских текстов Повести об Аполлонии Тирском может быть представлена следующим образом: чешский текст → польский текст → русская ред. РД → русская ред. Т.

Чешский текст представляет собой редакцию, отличную от всех известных западноевропейских. Польская повесть, входящая в состав РД, — это перевод чешского текста с некоторыми отступлениями от него. Перевод повести на русский язык был сделан в составе РД с польского печатного текста, причем такого, который был ближе к чешскому, чем известные польские издания. Русская ред. Т, известная как отдельная повесть, восходит к ред. РД, отличаясь от последней главным образом более чистым русским языком и стилем изложения.

Н. Тихонравов, а вслед за ним и другие русские исследователи, предполагали для этой редакции чешский источник на основании имени «Лучница» и слова «хладничек», а также на основании языка повести, лишенного, по их мнению, полонизмов. Но полонизмы там все же есть, хотя их гораздо меньше, чем в ред. РД, и они менее заметны, так как осознаются полонизмами только в контексте. Слова же «Лучница» и «хладничек» не могут свидетельствовать о чешском источнике второй русской редакции уже потому, что они не встречаются в чешском тексте, а принадлежат только русской ред. Т.

Кроме того, о том, что русская ред. Т восходит к польскому (через РД), а не к чешскому тексту, говорят общие чтения польского и обоих русских текстов в отличие от чешского (в том числе и общие ошибки).

Перевод Повести с польского на русский язык был один. Об этом говорят многочисленные общие чтения (включая и общие ошибки) обеих русских редакций в отличие от польского текста.

Первичной была ред. РД. На это указывают переосмысления некоторых мест и пропуски в ред. Т именно в тех случаях, когда текст в РД непонятен, а также многочисленность полонизмов ред. РД, опущенных или замененных в ред. Т.

⁵⁸ Е. Ф. Карский. Обзор звуков и форм белорусской речи. М., 1885, с. 46.